

Анастасия Компанцева
Катерина Скобелева
Яна Полей

*Рассказы и сказки о странном
и страшном*

**Катерина Скобелева
Анастасия Компанцева
Яна Полей**

**Рассказы и сказки
о странном и страшном**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18533786
ISBN 9785447475352*

Аннотация

Анастасия Компанцева, Яна Полей и Катерина Скобелева приглашают: «Добро пожаловать в нашу реальность! Тут живут маленькие и большие чудовища, герои и злодеи – мифологические и не очень, пара драконов, вампир на диете, столичная фея (по совместительству – коллектор долгов), а также несколько очень-очень странных девочек... В общем, с этими персонажами не соскучишься. У всех – свои страхи и своя история. Рассказы про них рекомендуется читать темной-темной ночью, но и днем саспенс вам обеспечен!»

Содержание

Анастасия Компанцева	5
Я тебя вижу	8
А звали героя Кухулин	14
Глава первая. Кухулин просыпается	14
Глава вторая. Конал и кабан	18
Глава третья. Кухулин отправляется к Скатах. В этой главе упоминается недуг уладов	20
Глава последняя. Бой с Фердиадом	23
Только хорошее питание поможет дракону пережить зиму	25
Кукольный домик	27
Манечка	31
Последние приготовления	34
Яна Полей	39
Чудовищный ребенок	42
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Рассказы и сказки о странном и страшном

**Анастасия Компанцева
Катерина Скобелева
Яна Полей**

Иллюстратор Яна Полей

© Анастасия Компанцева, 2021

© Катерина Скобелева, 2021

© Яна Полей, 2021

© Яна Полей, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4474-7535-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анастасия Компанцева

Я тебя вижу

Мы сидим со Штефаном в небольшом вьетнамском кафе и едим рис с кальмарами, а еще горячо любимые блинчики-нэмы из рисовой бумаги, обжаренные во фритюре. Внутри хрустящие креветки, свинина, нарезанные соломкой овощи. Штефан – немного уставший после перелета – выглядит тем не менее совсем неплохо. Он почти не изменился за те тринадцать лет, которые я его знаю. Мы познакомились в Германии много лет назад через общую знакомую. Я тогда проходила практику в Кельнском университете, и мне нужно было где-то пожить, когда я захотела посмотреть Берлин. Я была безумно влюблена в Штефана, сначала десять, а потом еще и пять лет назад. Мы сходились, потом расходились. Отношения наши накатывали, как волны на берег, потом так же внезапно отступали. Нашу любовную лодку то и дело заливало водой, хотя мы упорно и немного упрямо продолжали делать вид, что не страшно, это еще не конец, можно еще поставить заплатку. Возможно, нам просто с самого начала не суждено было быть вместе.

Последний раз мы расстались в прошлом году, без истерик с моей стороны и без «нам надо серьезно поговорить» с его стороны. С тех пор мы еще пару раз встречались, когда он приезжал из Берлина, обычно за чашкой кофе по-вьетнамски или в пабе, недалеко от станции метро «Боровиц-

кая». Сейчас Штефан считает меня другом (это очень современно и по-европейски модно). В данный момент он работает в крупной международной компании, что-то связанное с таможней, и ему в один из отделов как раз нужен переводчик тире личный секретарь. Я очень тактична, спокойна, хорошо говорю на английском, на немецком хуже, но второй язык потребуется только для переписки. Одним словом, «надежный и проверенный временем человек», как выражается Штефан. Я почти уверена, что получу эту работу. Поэтому ссориться с ним не собираюсь. Ругаются и устраивают истерики глупые и недалёковидные особы. Мой любимый пример из истории – одна из жен английского короля Генриха VIII (всего их было шесть, и дети в Великобритании запоминают очередность королей с помощью считалки «развелся, казнил, умерла, развелся, казнил, пережила»). Жена под номером четыре, Анна Клевская, с которой Генрих развелся почти сразу после первой брачной ночи, смирилась со своей судьбой, не роптала, ни на что не претендовала, благодаря чему успешно пережила и мужа, и остальных его жен. Такой расклад я думаю, устроил бы меня больше, чем судьба ее тезки – Анны Болейн.

Мой немецкий друг чем-то расстроен. Я сразу это заметила. Пока мы ждем, как из верхнего стаканчика кофе капает в нижний, со сгущенкой, Штефан замирает и как-то съезживается, потом протирает очки и наконец выдавлиывает:

– Знаешь, я так рад, что я сейчас в Москве. Мне просто

необходимо было уехать.

– Что-нибудь случилось? – спросила я. Мы привыкли многим делиться друг с другом. Я довольно подробно знаю все, что происходит в его семье, знакома с бабушкой и де-душкой, вежлива с его родителями и даже пробовала зна-менитые тушеные огурцы, которые готовил папа Штефана (между нами – гадость страшная). У них дом на берегу озе-ра Ванзее в Берлине, там безумно красиво. Однажды на за-кате мы вдвоем с любимым плавали на лодке и видели, как огромная стая лебедей кружила над водой, потом птицы ку-да-то улетели. До сих пор помню, как будто это было вче-ра. Впрочем, теперь, наверное, видом на озеро наслаждает-ся другая девушка, наверняка блондинка, Штефи нравятся блондинки.

– Да. – Штефан замялся. – Понимаешь, я встретил девуш-ку...

Я вопросительно подняла одну бровь. Похвалите меня и назовите герцогиней Клевской.

– У нас ничего не получилось. Просто мы не подходили друг другу. Я сказал ей, что мы расстаемся. И ты представ-ляешь, она начала меня преследовать!

– Да что ты говоришь!

– Это было ужасно. Потом мне стало страшно. Она живет недалеко от Алена, где я снимаю квартиру. Когда я сказал, что мы расстаемся, она стала звонить мне на работу, спра-шивать. Я не знал, что сказать коллегам.

Штефи в будни работает в маленьком городе Алене в немецкой глуши, снимает там квартиру, а на выходные приезжает в дом родителей – тот самый на озере Ванзее.

– Потом я поехал в Берлин, праздновать день рождения. Ее не стал приглашать, она ничего не знала. Мы пошли в пивной бар на открытом воздухе, помнишь, около зоопарка? Сидели с друзьями, болтали. И вдруг мне приходит СМС: «Надеюсь, пиво тебе принесли холодное». Я оглянулся – она стояла у меня за спиной.

Я вздрогнула. История была просто в духе моей любимой писательницы, ее мистические триллеры-детективы я буквально проглатывала один за другим. Но психопаты в жизни – совсем не то же, что психопаты на страницах книг. Мне и в голову не могло прийти, что... Зазвонил мобильный. Папа интересовался, когда я приду домой. Я сказала, что попозже, потому что мы еще хотели прогуляться по Парку Горького.

Штефан допил кофе.

– Не знаю, как она меня вычисляла. Она без приглашения приехала на мой день рождения, и когда мои друзья попытались ее задержать, кинулась ко мне и расцарапала мне щеку и спину. – Я вгляделась в знакомое лицо. – Следов не осталось, но было ужасно больно. Она кричала. Потом еще несколько раз приходила ко мне домой. Принесла остатки моих вещей, несколько книг, свитер и бросила прямо на тротуар, перед входной дверью.

– Какой ужас!

– Да. Но и это еще не все. Однажды ночью я проснулся и понял, понимаешь, почувствовал, что кто-то стоит на улице. Услышал какие-то шорохи и увидел в оконном стекле синеватое мерцание, знаешь, как от мобильного телефона. Как будто... – Штефан отвел глаза и посмотрел в окно, на пыльную московскую улицу, – ...кто-то стоит снаружи и пытается подсветить мобильником, чтобы разглядеть квартиру изнутри. Разумеется, мне тогда все показалось, но я очень плохо спал.

– Слушай, это паранойя.

– Конечно. Я и сам знаю. В общем, теперь думаю, что делать. Я потом узнал, что она пыталась покончить с собой пару лет назад. В общем... Думаю, что подавать в суд – только время терять. Год займет, не меньше. Ну, а пока мы открываем представительство здесь, в Москве. Я уверен, что все пойдет хорошо. Мне предложили долгосрочный контракт здесь, так что сможем часто видеться.

Я улыбнулась.

– Если возьмешь меня на работу, сможем видеться еще чаще.

Каждый платит за себя на европейский манер. Мы отправляемся на прогулку по Парку Горького. Доходим до станции метро, обнимаемся на прощание, я нежно сжимаю его руку. Завтра мы снова увидимся.

Я сажусь в метро и чувствую, как уголок губ начинает

ползти вверх. Shadenfreude. О да, это немецкое слово я хорошо знаю. Неважно, какие карты подкидывает судьба, главное, как ты сумеешь их разыграть. Ум, сдержанность, находчивость – вот мои карты. Найти на Фейсбуке нужного человека, написать два-три сообщения в личной переписке. Но Ева оказалась настоящей находкой. Правда, я и не догадывалась про суицид. Но все к лучшему. Глупая Анна закончила жизнь на плахе, умная Анна – жила в тепле и в достатке. А король слаб, он еще может передумать. Все еще может сбыться. Главное – надо намекнуть Штефану, что все-таки судебное решение может понадобиться. Хорошо, чтобы Еву отправили куда-нибудь на лечение. Мне совсем не улыбается, сидя где-нибудь на скамеечке у пруда в Парке Горького, получить СМС «Я тебя вижу».

А звали героя Кухулин

Никто и никогда не утверждал, что история великого героя ирландских мифов Кухулина была именно такой. Но никто никогда этого и не отрицал.

Глава первая. Кухулин просыпается

День как день. Раннее мартовское солнце оттиснуло светлые пятна на стенах Эмайн Махи, зарябило на щитах, что поставлены были на стенах, наконец, ласково укусило Кухулина. Двадцати с небольшим лет молодой человек спал, прислонился к широкому камню с руническим письмом на шероховатой поверхности – и спал. А над озером кружились бесконечные пары птиц.

– Эй, пес Кулана, проснулся б ты, что ли!

От дружеского пинка великий герой быстренько вернулся из потустороннего мира и протер глаза семерней. Пальцев на руках, а говорили, что и на ногах, хотя он редко разувался, у Кухулина было семь. Розовые такие, короткие пальчики, правда, достаточно гибкие. Конал Победоносный стоял перед ним и щурился, а солнце недоуменно чесало в затылке: «Ну и зачем надо было будить?» Кухулин тоже явно не обрадовался.

– Дейдре сбежала, – пояснил Конал. Плащ его развевал-

ся и существовал будто сам по себе, красной змеей сбегая с плеч, струился по земле и все норовил забраться в озеро и промочить горло, но улад не обращал на плащ внимания, и тот в конце концов обиделся и незаметно обмотался вокруг ног Конала.

– Дейрдре сбежала, – повторил Конал, явно рассчитывая на реакцию Кухулина, однако в глаза ему смотреть избегал.

А глаза у Кухулина разгорелись, все семь зрачков, подобных рубину, завращались в разные стороны.

– Недаром сегодня я поднялся с левой ноги, и Серый из Махи повернулся ко мне левым боком, когда я возжелал оседлать его.

Конал поморщился. Слишком роскошное и витиеватое плетение словес было ему не по нраву. Правда, к Кухулину он неплохо относился и надеялся, что блажь с юноши сойдет, когда тот обзаведется женой, потомством да парой бычков из питомника в Куалнге. Впрочем, что взять с парня, происхождение которого равнялось по темноте и непрозрачности Великому озеру. Поговаривали, что он де вообще плод кровосмешения Конхобара и сестры его, однако на Конхобара (короля уладов) он был похож мало. Мысли эти проплыли в голове Победоносного, словно лососи, слишком быстро, чтобы схватить их за хвост, что, разумеется, не укрылось от внимания солнца.

– Итак, сбежала прекрасная Дейрдре, столь же мудрая, сколь проклятая, ибо прежде чем изошла она из чрева мате-

ри своей, издала она крик. И рожденный крик – обозначен был быть предвестников великих бед.

– Вот, вот, – кивнул Конал, – с сыновьями Уснеха сбежала.

– С миловидным Найси, белоснежнокожим и черноволоким, и братьями его?

– Зачем переспрашивать, сам все знаешь, – проворчал молочный брат Кухулина.

Он шагнул вперед, а так как плащ плотно стреножил его, неминуемо упал и рассек губу о древний камень. Как Конал ругался! Помянул нехорошими словами и камень, и того, кто поставил камень, и предков его до пятнадцатого колена, а камень между тем был священным, и ругать его не стоило. Конал поплелся промыть ссадину к озеру. Плащ злорадно хихикал в складках.

Кухулин же пошел проводить дядюшку Конхобара. Тем временем в городе половина уладов дрыхла на медноногих ложах, ибо всю прошлую ночь праздновали победу над Ко-нахтом (точнее – победу в очередной вылазке, сама война казалась нескончаемой и длилась не одно эпическое поколение), но улады приободрились, и чаша с железными краями не раз передавалась по кругу, а распалившийся Конхобар грозился поймать Медб и протащить ее за косы аж до дома из Красного Тиса. На самом деле победа была более чем случайной, и улады радовались зря, просто воины Медб так усердно отмечали угон откормленных годовалых бычков, кстати, из окрестностей Эмайн Махи, что у них раз-

болелись животы. Сейчас Кухулин вступил в дом дядюшки и прошел по деревянному полу; темные доски легонько скрипели. Уныло сидел на своем ложе под пологом Конхобар и смотрел в одну точку. Вокруг на ложе храпели телохранители короля, так что Конхобару приходилось все время отодвигаться от них, и смотреть в одну точку ему удавалось плохо. Наконец он заметил Кухулина, и между ними произошел следующий разговор:

Кухулин (с сожалением, участием и едва заметной долей злорадства):

– Дейдрдре?!

Конхобар:

– Да. Сегодня утром. С Найси. И эту девчонку я вырастил в своем доме (спихивает телохранителя с ложа), открыл ей свое сердце и принял туда молочнокожую.

Кухулин подумал: «Староват ты был для нее, впрочем, в нашу архаическую эпоху значения это не имеет».

Произошедшее с Дейдрдре, собственно, Кухулина не интересовало. Дерйдрдре он пару раз видел, но считал слишком бледной и тощей и, к тому же, истеричной. Позднее он еще раз услышал о ней, вернувшись от Скатах. О ней и о смерти сынов Уснеха, о предательстве и о том, что спрыгнула Дейдрдре с колесницы и разбила голову о камень, не пожелав двух иметь мужей в этой жизни. Но Кухулин еще этого не знал, да и вообще все, что не было с ним лично связано, долго не обдумывал. Сейчас он хотел одного – посвататься к Эмер –

и в мыслях иного не держал.

– О прекраснейший из воинов, кристалл битвы, величественный Конхобар, нуждаешься ли ты в моем присутствии, а ежели нет, то смею ли я отлучиться на встречу с нареченной моей Эмер?

Конхобар одобрительно кивнул:

– Доброй дороги. Мчись, и пусть комья глины разлетаются из под копыт коня, и люди говорят: «И птицы не в силах опередить его колесницу».

Только Кухулина и видели.

Конал Победосносный крикнул со двора:

– Посольство прибыло. Песик наш! Завтра на пир просят.

Глава вторая. Конал и кабан

Конал отставал от основного посольства (жена заставила разделать тушу, да еще выделать кожу) и очень боялся, что опоздает на пирушку. Также Конал не без оснований рассчитывал на хорошую драку; думая о ней, он страшно раздувал ноздри.

К замку Мак-Дато вели семь дорог, в медных котлах у обочины варилось мясо. Путники ходили с вилками, и если с первого раза удавалось кусочек мяса зацепить, могли его съесть за здоровье Мак-Дато. Правда, это удавалось не всегда – котлы-то были глубокие, а мясо лишь неплотно покрывало дно, умные люди вообще брали в дорогу вилы. Но Ко-

нал спешил мимо котлов – празднование продажи песика Айльбе в замке разгоралось не на шутку.

А дело началось с неделю назад. Жена Мак-Дато не могла уснуть. Мало того, что муж за ужином овсянку, собственноручно ею спаленную, съел и не заметил, ночью в постели на нее не глянул, так еще и ворочался, скрипел и всячески бредил.

– Что такое, – Макдатиха не выдержала. – Скажи, авось полегчает. Может, совет разумный предоставлю.

– Бабы, что ж вы все лезете. Кончился матриархат, ясно! Мне вот завтра войну объявят. Пса у меня хотят купить сразу и славный Конхобар, и Медб, королева Коннахта. Продам одному, другая меня в ячменную муку сотрет.

Пес вылез из-под кровати, прыгнул на чистые простыни и лег в ногах у супругов.

– Избаловала животную, уйди, кобель несчастный.

Айльбе повел ухом и принялся выкусывать чертополох у основания ляжки.

– Так-то пустяк, мой легкий челн, ожерелье на груди моей, скажи обоим, что им продашь, а там – сами разберутся.

– Умница ты, – расчувствовался муж. – Спасительница.

И тут он вспомнил про горелую овсянку.

И вот теперь посреди залы стоял стол, в центре блюдо с кашей, а сверху жареный кабан. Семь лет кабанчика кормили молоком шестидесяти коров, и от такой диеты бедняга

разжирел жутко. Под столом валялся песик, а вокруг стояли и мрачно обозревали друг друга улады и жители Коннахта. Хозяин радостно носился вокруг с кружкой эля и всячески приветствовал недружелюбных ирландцев.

Кет, уроженец Коннахта, достал из-за пояса кинжал:

– Все, я пойду кабана делить.

Улады недовольно зароптали.

– Стой, будешь этого кабана через мой труп резать.

Кет обернулся.

– Кто сказал? Не тебе меня остановить, не тебе со мной сразиться. У тебя я угнал два стада овец. Кто сказал? Не тебе схватить меня за руку, ляжка твоя мною прострелена. Кто сказал? Не тебе мне на место указывать, жена твоя со мною любилась.

И долго еще Кет поносил уладов, которым, собственно, возразить нечего было, и намеревался уже вонзить в жирный бок нож, как в залу влетел Конал:

– Я ничего не пропустил?

Глава третья. Кухулин отправляется к Скатах. В этой главе упоминается недуг уладов

Пока Конал и Кет поносили друг дружку, так как Конал по старшинству начал кабанчика делить и молодцам из Коннахта положил лишь две ноги – и обе левые, те оскорбились

и сошлись в рукопашной, так вот, в то время Кухулин целовался с Эмер. Они сидели в саду, под яблоней, а на яблоне сидел Форгал Хитрый, папочка Эмер, и наблюдал за влюбленными. В целом он был против свадьбы, иметь внука с семью зрочками ему не улыбалось. Да и дочке он уже хорошего жениха нашел. Шел дождь, как бывает в Ирландии почти постоянно, и Форгал промок и замерз. Молодые люди ели яблоки, Кухулин показывал девушке карточные фокусы, она чесала пышные, рыжие, доходившие до пяток локоны и собирала их с гребня на шиньон.

Форгал наконец устал, поэтому свесился с дерева вниз головой, зацепившись ногами за ветку.

– Мой папа, – представила Эмер.

– Женитесь, – разрешил Форгал, – но сперва сходи-ка ты... к Скатах, воительнице могучей, послужи ей, поучись, побудь в женском обществе, так сказать. Может, и на жизнь супружескую по-иному посмотришь потом. Кухулин кивнул и отправился к Скатах.

Время в мифах – чудная вещь. По спирали крутится, идет незаметно, позавтракал, глядишь – уже время ужинать, прошел сто миль за час – и устать не успел.

И вот не успели бы мы досчитать до семидесяти семи и погладить брюки, как Кухулин уже был у пропасти, за которой жила воительница.

Используя свой фирменный «прыжок лосося» – тройной кульбит с переворотом, он пронесся над ущельем и ударился

лбом о ворота черного замка. Замок содрогнулся, и Уатах, дочь Скатах, пролила кофе на новое платье.

– Глянь, кто там, – приказала Скатах.

Уатах, вся из себя противная и некрасивая, выглянула наружу.

«Ой какой», – подумала она, глядя на прекрасного воина.

– Сегодня он разделит со мной ложе, – доложила Уатах матери.

Кухулина, как водится, никто не спросил. Так и повелось. Уатах досталась ему в нагрузку, зато Скатах обучила его всем приемам боя плюс коварному удару рогатиной, которая зажималась между пальцев ноги и металась под водой. Тут же Кухулин побратался с Фердиадом, и часто они возвращались в дом за полночь с веселой попойки.

И не знали они, и не ведали,

Что придется им вскоре мечи скрестить.

Однажды Кухулину пришла депеша: «Война. Медб. Ждем. Дядя». Кухулин не спеша доел вишни, попрощался со Скатах и пошел седлать верного коня, Серого из Махи.

Действительно снова началась война, а улады каждый раз при начале боевых действий мучились родовыми схватками, и схватки у них продолжались четыре дня и пять ночей. Такое вот неприятное на них наложили проклятье-заклятье. Следовательно, сражаться они никак не могли.

Вот и отправился умудренный Кухулин в родное королевство Улад.

Глава последняя. Бой с Фердиадом

Первым человеком, который встретил его у ворот, сгибаясь и постанывая, был Конал.

– Приветствую тебя, о Победоносный, да разродишься ты сыном великим, героем отечества.

– Типун тебе на твой кривой язык, – прошипел Конал. – Кстати, ты завтра дерешься с Фердиадом, ты знал?

Кухулин разразился громкими воплями.

– Это все Медб. И история про бычка из Куалнге. На тебя вся надежда, – и Конал уполз в дом. Кухулин, в отличие от других, проклятью был не подвержен, может, потому что был полубогом (как некоторые утверждали), а может, просто в момент проклятья где-то куролесил.

И вот теперь ему предстояло сражаться с лучшим другом, которого угораздило выступить стороне противника.

Кухулин и Фердиад встретились на рассвете.

– Ты подлый воин, хоть был мне названным братом.

У Скатах мы вместе с тобою служили,

Но позабыл ты дружбы законы.

Против меня ты, дерзкий, воюешь.

– Не лайся, пес Кулана. – Фердиад был грустен и трезв. – Сразимся по-быстрому – и по домам.

Сперва сшибались их колесницы, а Кухулин превратился в некое подобие циклопа (глаз выкатился на щеку) и пу-

гал Фердиала. Тот же знал законы мифа, и о том, что ему предстоит умереть, догадывался, но не горевал. В эпосе как – умер, а о тебе песни сложили, твое имя прославили, слава вечная, считай, гарантирована.

Потом рубились на мечах. Потом дрались на шпагах. Потом стрелялись на пистолетах. Потом играли в теннис. Мальчик ударил Фердиана в лоб, и тот тяжело осел на зеленое покрытие корта.

Кухулин жалобно завопил и обнял друга.

– Я умираю, – сказал Фердиан.

Раннее мартовское солнце камень священный разогрело. Кухулин проснулся. Конал стоял над ним и пускал зеркальцем в лицо солнечных зайчиков. Мальчик захныкал:

– Снилось мне, что я убил друга прекрасного, и у Скалах во тьме служил.

– Это был сон. – Победоносный потянулся. – Еще не нарезаны руны твоей судьбы, Кухулин, так что как еще повернется, неизвестно.

И они пошли обедать.

Только хорошее питание поможет дракону пережить зиму

Чисто с эстетической точки зрения жилетка была просто ужасна.

– Сам сшил, – гордо сказал Принц.

– Большое спасибо, – ответил Дракон, наступив на горло своему чувству прекрасного.

– Я тут это... подумал... может, ты на зиму ко двору переберешься? Тут в горах холодно, а скоро зима.

– Представляю, как обрадуется твой папа-король.

Дракон посмотрел на Принца. Принц отвел взгляд. Дракон решил, что надо примерить жилетку, раз уж так получилось. Тем более, скоро зима. Чешуя – это хорошо, но, когда холодно, лучше, когда шерсть.

– Ты что делать будешь?

Оба мрачно посмотрели на тропинку, по которой пришел Принц. Снежинки падали на землю и таяли. Скоро земля замерзнет, и Принц может поскользнуться и упасть.

– Может быть, впаду в спячку. Я раньше так и делал. Заползу в глубь пещеры, свернусь на золоте... и до весны. Ты в марте приходи.

Принц потер щеку. Наверное, по дороге на нее упали снежинки, и сейчас они таяли.

Принц порылся в рюкзаке.

– Я тут это... тебе пирог с мясом принес. Он почти целый.
Пирог был вкусный.

– Тебе надо хорошо питаться, – сказал Принц. – Только хорошее питание поможет пережить зиму.

«И любовь», – подумал Дракон.

Кукольный домик

Я еду в метро. Столько людей, самых разных, высоких и тех, кто не дотягивается до верхних поручней, слегка нетрезвых и откровенно пьяных, злых и тех, у кого до посадки в поезд было хорошее настроение. Людей, стиснутых вместе в ненависти, пока кольцевая не разлучит их. Каждый из них в теории может мне пригодиться. Остается выбрать.

Например, вот тот парень в двубортном сером пальто с красивыми рыжими волосами и усиками? У него нежная розовая кожа и голубые глаза. Или старушка в синей рабочей жилетке, с надписью «Мосгорчто-то». У бабушки внезапно звонит телефон, и на рингтоне стоит ужасная песня, просто блатняк. На словах «Да пошли все...» она берет трубку. Интересная личность. Похожа на сову, была бы заурядна, если бы не эта жилетка и этот безумный орущий голос на телефоне. Нет, сегодня мне нужен кто-нибудь яркий и привлекательный. Вот эти две блондинки, у одной прямые волосы, у другой – слегка выются. Я пробираюсь через толпу, чтобы встать поближе, ничего не упустить: эта молния на красной куртке из кожзаменителя, этот коричневатый шарф, красные длинные серьги в ушах. У одной – помада подобрана в тон одежде. На другой коричневое пончо. Они могли бы быть сестрами, но они явно подруги. Крутят свои модные телефоны в руках, одновременно поддерживая разговор друг с дру-

гом и общаясь с миллионами невидимых мне людей. Они именно то, что нужно.

Украдкой достаю телефон и тихонько делаю снимок. Девушки переговариваются. Теперь я еще знаю их имена. Отлично-отлично. Такие простые милые повседневные имена. Симпатичные лица. Они не замечают меня. В толпе это трудно сделать, меня многие не замечают, даже когда в комнате, кроме меня, никого нет.

Прихожу домой и первым делом включаю компьютер. Быстро открываю нужный файл. Ничего бы не забыть. Детали, самое главное – это детали. Первоначальный вариант книги надо переслать уже завтра, осталась буквально ночь, но ее мне хватит. Стоит найти подходящую натуру, как все встает на свои места. Вспоминаю историю одного из префаэлитов Джона Эверетта Милле и его «Офелии». Вода в ванной, стоящей на ножках в виде львиных лап, остывала. Остывало, холодело и тело его натурщицы Элизабет Сиддал. Постепенно оттенок ее кожи приобрел мертвенную бледность, так красящую картину. И вот она – уже мертвая Офелия. Она уже никогда и никого не сможет помянуть в своих молитвах. Элизабет простудилась и через какое-то время умерла. Но картина осталась, она прекрасна. Она одухотворена. А смерть, в конце концов, такая небольшая плата за Вечность.

Впрочем, художникам легче. Сейчас я пишу детектив. Знакомый редактор в небольшом издательстве дает мне за-

казы. Повести, рассказы для сборника. Хорошие отзывы критиков, скромный, но стабильный доход. Есть лишь маленькая проблема. Люди. Мне ничего не стоит сотворить на бумаге красивый пейзаж, перенести улицы любого города. Я с наслаждением описываю дома, комнаты. Но они стоят пустые. Потускневший лак на мебели, продавленные подушки диванов, пустая чашка из-под кофе. Как кукольные домики без кукол. Необитаемые и одинокие. Сюжет, отличный сюжет – есть. Есть бумажное пространство, мечтающее о звуках голосов. История, которой не достает деталей. Но нужны герои. К сожалению, я совершенно не умею их выдумывать. Моя записная книжка в телефоне переполнена подслушанными разговорами, но нужны люди, которые будут произносить монологи и вступать в диалоги, ругать друг друга на чем свет стоит и клясться в любви. Жаль, я не умею изображать персонажей с помощью слов. Хорошо, что я нашел другой способ перенести их на страницы. По-моему, получилось неплохо. По крайней мере, мои кукольные домики уже не пустуют.

Есть, разумеется, некоторые ограничения. Например, все еще необходим личный контакт. Раньше, в доцифровую эпоху, приходилось бродить с фотоаппаратом по улицам и паркам, в поисках подходящих типажей, проявлять в темной комнате их изображения. Теперь все гораздо легче. Цифровая камера на телефоне. Еще немного усилий, и я пойму, как пользоваться фотографиями из соцсетей. Вот где раздолье!

Люди не боятся выкладывать свои самые яркие образы, постоянно делятся своими изображениями, ни минуты не задумываясь, что есть такие, как я. Что могут быть последствия. И «отпечатки», которые они оставляют, визуальные частички их душ, могут быть украдены и использованы.

Звонил редактор.

– Слушай, да у тебя талант! Отличный текст, мне кажется, и продаваться будет хорошо. Искренне, душевно, а как страшно, я прям переживал за героев. Эти твои девушки-подружки просто как живые!

– Да, – ответил я. – А еще они прекрасно вписались в интерьер.

Манечка

Манечка с мамой живут в квартире номер 2, а дядя Саша – напротив, в квартире номер 3. Дядя Саша немного странный, Манечка слышала, как мама говорила кому-то по телефону: «Очень подозрительный тип. Ходит в пальто на голое тело! Это зимой-то. И в черных очках. И парфюм у него какой-то... не знаю, как описать. Резкий. Нет, ни разу не симпатичный. Нет, ты не понимаешь, я за Манечку волнуюсь».

«А чего за меня волноваться», – думает Манечка.

– Не волнуйся, мамочка, – говорит Манечка.

– Не мычи, – отвечает мама.

Однажды мама зашла с сумками в квартиру и не закрыла дверь. А Манечка увидела на лестничной площадке около соседней квартиры котика. Серого, с белым кончиком на конце хвоста. Кот поцарапался в дверь с золотой цифрой «3», и дверь открылась. Манечка заметила темный коридор с блестящим полом. На полу тоже были золотые циферки. Кот зашел в комнату, а из комнаты вышел дядя Саша. «Здравствуй, Манечка, – сказал он. – Хочешь в гости зайти?» Манечка не любит ходить в гости. Каждый раз, когда мама говорит, что они пойдут в гости, они идут в какое-то неприятное место. Там много людей в белой одежде. Там нужно ждать. Потом люди задают Манечке вопросы, а она на них отвечает. Но, может быть, неправильно, потому что

люди хмурятся и что-то говорят маме. Наверное, неприятное, потому что мама потом всегда плачет. Зачем тогда в гости ходить, если тебя там обижают?

Нет, в гости Манечка не хотела. «Киса», – сказала она. Дядя Саша ушел в комнату. Из комнаты вышел серый котик и пошел к Манечке. Она его гладила, а котик мурчал и терся о Манечкину коленку. Но тут мама закричала из квартиры, где Манечка, и ей пришлось вернуться домой. А котик ушел в свою квартиру.

Манечка играет в море. Она сидит на пляже и смотрит на море. Мама сидит рядом с песочницей на скамеечке и листает журнал. «Мамочка, море!» – говорит Манечка и показывает пальцем. «Господи, ну что за люди, какую-то пленку бросили прямо рядом с песочницей, ну что за страна такая», – причитает мама. Манечка смотрит на море, она видела море по телевизору. Но в жизни оно гораздо красивее.

Манечка стоит и ждет маму на лестничной клетке. Дядя Саша поднимается по лестнице и с кем-то говорит по мобильному телефону. Это такая штучка, ее прикладывают к уху. Дядя Саша говорит: «Нет, я только одно могу. Работа такая. Про три – это сказки. Ты представь, каждому по три, это ж когда я управлюсь? Да, здесь последнее осталось. Потом в отпуск поеду».

– Здравствуй, Манечка, – говорит дядя Саша. – Ты чего-нибудь хочешь?

Манечка думает.

– Кису, – говорит она. Мама выходит из квартиры.

– Что? – спрашивает она резко.

– Манечка говорит, что хочет кошку, – говорит дядя Саша.

– Какую кошку, о чем вы? – возмущается мама. – Нормальной она хочет быть, как все, в детский сад нормальный ходить, говорить, чтобы все понимали, а не мычать...

– Мамочка, – говорит Манечка.

– Не мычи, – говорит мама.

– Она пока всего лишь кокон, – говорит дядя Саша. – А потом бабочка вылупится.

– Какая бабочка, какой кокон, вы что, пили, Александр? Пошли, Манечка. – И мама начинает спускаться по лестнице вниз. Дядя Саша подмигивает Манечке и достает из кармана черного пальто конфетку. Манечка быстро запихивает ее в рот и ковыляет вниз по лестнице за мамой.

Вечером мама включает телевизор, а Манечка бродит по комнате. Она подходит к двери шкафа и начинает водить пальцами по стеклу. За дверью шкафа книжка. Манечка видит корешок с крупными буквами. «СКА-ЗКИ», – читает Манечка. Мама оборачивается к ней. «Мамочка, почему ты плачешь?» – спрашивает Манечка.

Дядю Сашу она больше не видит, и котика тоже. Но мама теперь приходит из гостей веселая. Она обещает Манечке, что они поедут осенью на море, а котенка она подарит ей на день рождения.

Последние приготовления

Лето – прекрасное время для ограблений. Москва на несколько месяцев сбивает свой бешеный темп, люди разъезжаются по дачам, едут за границу. Их квартиры стоят пустые или ремонтируются, самое время там пошарить и вынести что-нибудь ценное. У моей знакомой одновременно ограбили сразу две квартиры, пока она с семьей отдыхала на Валдае. Но я не боюсь, что в нашу квартиру кто-нибудь взлезет, пока Сережа будет в командировке. Скорее наоборот, будет забавно.

Я лежу на нашей огромной кровати, жмурясь от солнечного света.

«Закрой шторы», – кричу мужу. Он собирается в командировку на три недели, куда-то в «усть-хрень-каменогорск». Ехать не хочет. Волнуется, что я не справлюсь одна «в моем положении». Я хмыкаю. «Ну не шипи на меня, солнышко». «Хорошо, мой сладкий».

Сережа, мой заботливый муж, гремит ключами в коридоре. Внезапно он что-то вспоминает и возвращается.

– Представляешь, Ленка звонила, Валера уже два дня дома не появляется.

– Да вернется он. Небось у какой-нибудь подруги.

– Если он вдруг тебе позвонит...

– Конечно, конечно. Хорошо. Опоздаешь на самолет.

Не хочется говорить так про лучшего друга мужа, но он та еще собака страшная. Волочитесь за всеми подряд, даже ко мне пару раз приезжал, когда Сережи дома не было. Неужели думал, что я променяю такого прекрасного мужчину, как мой, на какого-то жалкого человечешку?

– Ты не будешь скучать?

– Не волнуйся. У меня же полно работы. Несколько статей, консультация по Скайпу.

– Почувствуешь себя плохо, сразу звони. И не ходи одна гулять в лес, это опасно. Я буду волноваться.

Ну конечно, пока не пришло время, я буду ходить в Битцевский лесопарк. Я и квартиру покупала с таким расчетом, что буду прогуливаться там. Просто Сереже не обязательно знать об этом. Там есть прекрасные, абсолютно дикие места, стоит немного сойти с проторенных тропинок. Очень тихо, мало людей. Мне нравится.

Муж целует меня на прощание, в щеку, в шею. Он будет по мне скучать. Будет звонить несколько раз в день, спрашивать: «Может быть, мама моя придет к тебе?» Брр!

Когда за ним закрывается дверь, я переворачиваюсь на бок, так чтобы живот лег поудобнее, и те, кто в нем. Думаю, что все произойдет, пока Сережа в отъезде. Кожа безумно чешется, нужно пойти принять ванну, потом – оливковое или кунжутное масло. И буду я вся такая скользкая и гладкая.

После ванны я встану, выпью кофе, поем мяса. Прове-

рю электронную почту. Там должна прийти моя правка для каталога. Я еще успеваю написать несколько статей и обзоров в разные журналы. Люблю свою работу, мне не надоедает писать про украшения, огранку, виды драгоценных камней, золото, золото, золото. Благороднейший из металлов. Я раньше даже проводила экспертизу. У меня уникальная способность: могу сходу определить пробу, содержание примесей в металле. Но приходилось куда-то ездить, тратить время в жутких московских пробках, общаться с людьми. Лучше я дома посижу. Сереже нравится, что я такая уютная и немного нелюдимая, подруги только в социальных сетях, никаких тусовок. Мы общаемся с его друзьями, ему хватает, мне и подавно. Мне нравится моя квартира, тишина, комфорт. Немного пыльно, но это ничего.

Лето – прекрасное время для родов. У меня есть врач, который не то чтобы в курсе, но я так много ему плачу, что он напишет любые справки, достанет нужные снимки. Когда все начнется, я свернусь клубком на полу в гостиной, на пушистом ковре. Можно включить обогреватель. Не забыть чуть сдвинуть диван, чтобы места было больше. Забавно, конечно. Можно было бы обойтись и без Сережи. Но тогда точно родятся одни мальчики. А род через них не передается, к сожалению. Плюс драконы-самцы, как и любые мужские особи, как правило, глуповаты и агрессивны. Мы более... гибкие. Можно изменить форму, но сохранить суть. Легче всего было обмануть рыцарей, разумеется. Вот, например,

как обычно все случалось. Рыцарь отправлялся в дремучий лес, чтобы отыскать чудовище и сразиться с ним. Он находил пещеру и – о чудо! — видел там прекрасную обнаженную девушку. Рядом – живописно разбросанные кости животных и людей, вперемежку с золотыми монетами, украшениями, кубками. Обычно человечешки забывали, что ехали с кем-то там биться-сражаться. Мало кто мог устоять перед обещанием любви и богатства. Разве что Святой Георгий, но на то он и святой. Так мы стали скрещиваться с людьми. Мы – продолжаем род. Хочешь выжить, нужно уметь приспособливаться. В конце концов, можно есть и говядину, хотя Москва настолько шумный, людной и равнодушный город, что можно и людей. Пропажу некоторых из них не замечают годами, не замечают никогда. Битцевский парк, например, прекрасное место для охоты.

Очень надеюсь, что Сережа, когда все начнется, еще будет в командировке. Мне не хотелось бы думать о том, что он может стать настоящим «кормильцем» своим детям. Надо проверить морозилку. Она спрятана на балконе за деревянной панелью. Сережа о ней не знает. Хотя уставший на работе мужчина, который приходит домой только спать, а выходные проводит у телевизора, вообще мало что замечает вокруг себя. Содержимого морозилки мне должно хватить для того, чтобы вообще никуда не выходить эти три недели – пельмени, антрекоты, просто куски мяса. Валера был мужиком худосочным, поэтому его оставляю на сладкое. Жене его я, мож-

но сказать, сделала подарок. Нужно еще достать с антресолей гири. Они золотые, покрашенные черной краской. Но золото есть золото. Я положу их для комфорта рядом с с-собой, когда вс-се начнетс-ся. С-судя по тому, что я мыссссленно начинаю удваивать с-соглас-сные, это произойдет довольно с-скоро...

Яна Полей

Чудовищный ребенок

Ритка ребенка хотела так, как другие хотят выйти замуж, как беременные хотят пива, как мужики с работы рвутся на футбол, как малыши рвут родительские кошельки, чтобы им купили заветную игрушку. Я не хотела. Никогда не хотела. Мне нравилось детей рисовать. Мне нравилось с детьми разговаривать, но когда представляла себе жизнь с ребенком целый день, то приходила в ужас: вещи перемещаются и пропадают неизвестно куда, деньги тают в мокрых памперсах мгновенно. Капризы, вопли, сопли. Нет-нет! У моей соседки – ребенок. Я измучилась, пока он рос до пяти лет. И сейчас продолжаю мучиться. Сначала он орал двадцать пять часов в сутки. Затем научился стоять и швырять вещи из своего манежика. Он швырял их целыми днями с безумным гротом. Бам-с – полетела пирамидка прямо по моим нервам. Бам-с – на них же повисли звонкие удары мячиков или еще какой-нибудь игровой дребедени. А мне так нужна тишина. Я не могу работать иначе.

Недавно встретила его бабушку. Она с гордостью сказала, что у внука явно удивительные музыкальные способности (это я сдуру сказала ей, что мои работы будут участвовать в весенней выставке в ЦДХ). Мало того, что их крикливое, шумливое чудовище не давало мне покоя пять лет жизни, так ему еще собираются купить скрипку или пианино... Есть

риск сойти с ума.

А тут еще моя подруга детства Ритка стала чудить: хочет ребенка – и все тут. Почему-то она за шесть лет общения со своей большой любовью ни замуж за него не вышла, ни ребенком не обзавелась. И пошли все эти разговоры, мол, как ужасно не выполнить свой материнский долг. По детским домам куча всяких детей. Ах-ах! Если б каждый взял по ребенку, то мир стал бы намного лучше!

– Пусть мир становится лучше без меня, – сказала я ей. А когда она принялась бросать на меня тяжкие, как картины Гойи, взгляды и скорбно нудеть, что вот, как можно быть такой недоброй, я не выдержала и сказала:

– Я не добрая. А я и не говорю, что добрая. Но с каждой выставки, с каждой продажи этим твоим детям перечисляю хоть пару тыщ.

– А я с тобой согласна, – сказала рыжая Машка. Они с мужем порой заскакивали к Рите. Если честно, это были не самые лучшие знакомые Риты, и я старалась за ними приглядывать. – Эти дети... Они такие несносные. Да, Петенька? – ее Петенька что-то невразумительно пробубнил, пытается проглотить кусочек третьего бифштекса. Это была бездетная пара, причем жена была одержима идиотскими идеями насчет здорового образа жизни, а Петенька, здоровенный, откормленный красивый парень, почему-то загнавший себя преподавать историю в обычную школу, полностью был подчинен своей женошке. – Особенно из всяких приютов.

– Гм-гм... – Петю, как всегда, больше интересовало содержимое тарелки.

– Маша! – глаза у Риты стали круглыми от негодования.

– Из... откуда ты сказала? – мягко спросила я. – А чем плохи такие дети?

– Ой, ну, это всегда потомство всяких маргиналов, личностей неполноценных... – Маша размахивала бокалом, как флагом, и мило улыбалась, гадина. Я не стала отвечать, повернулась, подхватила дубленку и вышла.

Уже на улице я услышала возмущенное Риткино:

– Маша, как ты могла? Ларису усыновили.

– Удочерили, – тихо заметил Петя.

– Какая разница?.. Уже в большом таком возрасте, лет в пять... Это моя лучшая подруга.

У меня потеплело на сердце. Ритка – дура, но добрая дура.

– Она знаешь какая талантливая? У нее знаешь картины какие дорогие?..

– Ой, ну я не знала, – разочарованно протянула Маша. – Это вот и есть твоя подруга-художница?

И тут раздался торжествующий смешок обычно безгласного Пети:

– Ну, теперь твоя мечта о портрете, дорогая моя, развеялась прахом могильным, ха-ха-ха.

Дальше мне было неинтересно, и я пошла быстрее. Обычно на расстоянии ста метров я тоже все слышу, но при желании – хуже.

Прошло еще немного времени. Я готовилась к одному интересному международному проекту, который сулил в случае удачи и приятную щекотку для творческого самолюбия, и достаточную финансовую стимуляцию. Незаметно промелькнуло полгода, и когда вдруг раздался звонок от Ритки, совесть слегка меня куснула – не вспомнить ни разу о подруге! Боюсь, я действительно не самое эмоциональное существо на Земле. Все мои чувства остаются в моих картинах.

– Привет, Рит, прости, я пропала, но рада тебя слышать...

– Я тоже! Я тоже рада! Не извиняйся, ты же была так занята! Но теперь ты должна заскочить ко мне в гости! Я такая счастливая!

Голос у нее действительно звенел и искрился, как маленькая радуга, которая словно бы выскакивала из трубки и окрашивала все вокруг в цвета счастья. Ну, что ж – я поехала к ней. От «Октябрьской» до «Калужской» было недалеко, в принципе. Купила по дороге большую коробку любимых Ритиных конфет, ликер и симпатичного игрушечного зверя, похожего на енота. Я решила что-нибудь такое сказать, мол, от мужчин ничего нежного никогда не дождешься, вот тебе пушистый зверек, а когда-нибудь он пригодится по назначению. Ну, будут же у нее дети? Может, и усыновит кого-нибудь. Мама говорила, что Ритка ей всю душу вымотала зимой, мол, как к этому вопросу подступиться.

Дура Ритка! Вот нет у меня детей – и не надо, хотя маме я благодарна на всю жизнь. Но все равно она для меня вроде

любимой, заботливой, но тети. Я так всегда и фантазировала, что это какая-нибудь сестра мамы, хотя не представляю свою маму... и была ли она у меня?

Итак, я доехала до Ритки: охи-ахи, поцелуи. Вручаю ей конфеты и ликер.

– Ой, Ларочка, зачем? И праздника-то нет.

– Ну, как это? Давно не виделись, вот и праздник нашей встречи. – Я приняухалась и поняла, что Ритка пахнет поиному, но в чем дело, не разобралась.

– У тебя духи новые?

– Нет. Я вообще теперь духами не пользуюсь, – засмеялась подруга. – Идем.

Мы прошли в комнату. На ходу я пыталась достать из сумки енотика.

– Что ты там копаешься? Садись давай, сейчас пообедаем нормально. Я даже язык отварила.

– Сейчас-сейчас, сей... час... Я тут еще принесла тебе... Ой, – я удивленно посмотрела на кухню.

У Риты большая комната плавно перетекает в кухню, которая поэтому прекрасно просматривается из коридора. Под барной стойкой сидела девочка и увлеченно что-то громоздила из кубиков.

– Да. Это мы! – радостно воскликнула подруга.

– Рита, это... Это то, про что я думаю?

– Это Леночка! Леночка, иди сюда. Это тетя Лариса.

Я переварила свое превращение в тетю и достала тре-

клятого зверя, который растопырил лапки и никак до этого не хотел вылезать из сумки.

– Хм. Ну, тогда, Леночка... Ты любишь енотов? Кажется, это все-таки тебе. – Леночка вцепилась в енота, царапнув меня взглядом из-под светлой челки.

– Леночка, – тихо и мягко намекнула Рита.

– Спсиб, – пробормотала девочка. Было ей года три, как мне показалось.

– Лар! Ты – гений! Ты такая тонкая, такая чувствительная! Как ты догадалась?

– Да не догадалась я! Тебе зверика везла... думала подбодрить, мол, будут же детки когда-нибудь.

– Ну, я и говорю, что только ты могла предчувствовать... как творческая личность...

– Рита, я сейчас зарычу! Давай чай пить. Ненавижу все эти разговоры о тонко чувствующих личностях.

Мы сидели уютно и спокойно, как могут сидеть женщины, когда остаются одни. Правда, рядом присутствовала девочка – загадочное и непонятное существо. Но, кажется, Леночка обладала спокойным и удобным нравом. Она мне понравилась. Девочка смирно возилась с игрушками, уложила енота спать на диванную думку, накрыла его пледом, как нормальный домашний ребенок. Меня, помнится, мама учила играть в игрушки.

– А ты... когда?

– Да летом еще... Просто мы из Москвы уезжали. Да и но-

востях о тебе доходили. Зачем дергать-то? Ругаться будешь? — она вытянула губки хоботком, и я улыбнулась.

— Да нет. Молодец! Я не говорю, что это плохо. Просто я никогда не рожу и чужого ребенка не приемлю.

— Это тебе так кажется, — промурлыкала Ритка.

— Нет. Не кажется. Ну, давай за Леночку, за то, чтобы мечты сбывались. Каждому — свое. — Мы чокнулись и выпили.

— А с духами что не сложилось?

— Ну, — Ритка как-то повела плечами... — Ты знаешь, у Леночки...

— Аллергия? — я понимающе кивнула.

— Нет, не аллергия... — Рита помялась. — У нее такое чувствительное обоняние... как у тебя, только еще хлеще.

— Хлеще? — я засмеялась. — Да ладно... — Я могла учуять сорт сигарет, которые человек курил три дня тому назад и отделить этот запах от запаха других сигарет, которые он курил позже. Покупая хлеб, я могла рассказать, что ела на завтрак продавщица, по какой улице ехала машина с этими булками, когда последний раз принимал душ водитель. Жизнь моя из-за этого была немного сложнее, чем у прочих, но с другой стороны — я редко покупаю хлеб. И сметану. А уж при выборе свежего мяса мое чутье мне, наоборот, помогает. А я очень люблю мясо...

— А как? — я многозначительно подняла бровь, не решаясь при ребенке озвучивать некоторые особенности Риткиной жизни.

— А что он... — усмехнулась та. — У него своя жизнь, у меня своя. У него нет недостатка в детях. Скорее наоборот. Он мне и помог ускорить процесс, все эти бумаги, то да сё. Может, решил, что успокоюсь...

— А, — махнула я рукой. — Давай выпьем за тебя, мамочка, и за Леночку. Чтобы все у вас было хорошо.

Мы сидели и болтали. Я сделала набросок Лениной головы в блокноте. При заурядной внешности девчушка обладала притягательностью: округлый, аккуратный лоб, выразительные, немного навывкате глаза, легкие волосы, сами собой укладывающиеся в хорошенькие прядки, чуть надутые губки... В карандаше получилось неплохо, потом можно будет попробовать что-то сделать. И Ритке приятно, и я свое полугодое молчание заглажу. Потом, что это я чужим мамочкам рисую их детенышей, а подруге не могу? В общем, пока сидели, я твердо решила сделать портрет Лены.

Лена вдруг подняла голову, посмотрела на меня.

— А ты что делаешь? Ты меня рисуешь? А зачем?

Я удивилась, что она так хорошо говорит и что углядела, чем я занимаюсь.

— Да, рисую. Тебя. Ты умеешь рисовать? — я протянула ей блокнот и карандаш.

— Я не умею, — малышка насупилась.

— Научу. Круг можешь нарисовать?

— Да... — она нарисовала круг, который я легко превратила в кошачью мордочку. Девочка тихо засмеялась. Голос у нее

был хрипловатый, неожиданно низкий.

– Лена! Спать-спать! – сказала Рита. – Мы сейчас. Я ее помою... Поскучаешь?

– Поскучаю, конечно, – согласилась я.

Рита с Леной ушли в ванную, а я налила себе еще кофе и стала осматривать квартиру. Что-то неувовимо изме-
нилось. Что-то истрепалось, а кое-где, наоборот, появились
новые вещи. Я одобрила новый цвет стен, но меня заинтри-
говали свежие царапины возле окна. Для Лены было высо-
ковато, для Риты низковато. И вообще, что это – вилками
царапали? Как будто кошка скреблась...

– Рит, а сколько Лене? – спросила я подругу, когда она
вернулась в комнату.

– Пять.

– Ого, я думала меньше.

– Она миниатюрная, – улыбнулась Рита.

– Ну и хорошо. Девочка должна быть миниатюрной.

– Ри-и-ит, – слышался низкий хрипловатый голосок. –

Возле стола появилась девочка и серьезно смотрела на нас
чуть выпуклыми глазами. – Я есть хочу.

– Ой, опять? Сейчас, Леночка, – подруга виновато по-
смотрела на меня и, щедро отрезав говяжьего языка, сде-
лала Лене два гигантских бутерброда с майонезом, солены-
ми огурцами и ломтиками сиреневатого вкуснящего мяса.
Я была уверена, что это многовато для маленькой девочки,
но она их проглотила в мгновение ока.

– Ух ты, какой голодный ребенок, – засмеялась я. – Я бы тоже от такого бутербродика не отказалась. – Ритка и мне соорудила.

– Зубки почисти, – крикнула она вслед Лене.

Та, проглотив последний кусочек, кивнула нам и быстро-быстро засеменила к себе в комнату.

– Да, Рита.

– Она тебя по имени зовет?

– Ну, да... Я бы хотела, чтобы мамой, но большая уже, видимо. Рита – и все тут.

– Я смотрю, наголодалась девчонка...

– Ты знаешь, – Ритка смущенно улыбнулась, – у нее вот такой вот обалденный аппетит. Вот перед тобой только поела. Ест, как взрослый мужик: проходит полчаса – и опять есть хочет. Да мне не жалко. Бедный ребенок, она и не ела, наверное, нормально. Я, правда, боялась, что глисты там или еще чего, а врачи сказали, что просто такой обмен веществ. В общем, я смело ее кормлю столько, сколько она хочет. Может, хоть вес нормальный наберет. Смотри, какая худенькая.

– Я вот тоже всегда есть хочу, – виновато сказала я, отрезая себе еще колбаски и сыра. – Без мяса жить не могу.

– Вот-вот! – Ритка засмеялась. – Я теперь мясо покупаю. Правда, сначала казус вышел. Может, не видела никогда, может, очень голодная была... В общем, в первые дни купила я мяска – думала, запекую или суп сварю – надо же ребенку нормальную пищу делать, никаких диет... Положила на мойку,

пока продукты разгружала... Эта красавица, наверное, четверть кусочка съела.

– Сырого мяса? – Я поставила чашку, чтобы не расплескать кофе.

– Ага.

– Это какие же зубы надо иметь? – Вообще-то я сама могу запросто недоваренный кусок мяса съесть, мясо по-татарски обожаю. Но я-то – взрослый человек.

– Ну, вот-вот! Я ей: «Леночка, рыбка моя, подожди, я хоть приготовлю...» Ну, впрочем, меня предупреждали, что первое время у нее могут быть странные вкусы.

– А помнишь, у нас в классе девчонка была, известку колупала и ела?

– Ага, – засмеялась Рита. – В общем, котлеты и бифштексы поселились у меня надолго... Везде пишут: каши, фрукты... Ну, не ест она все это! Что мне, насиловать ребенка?

– Правильно, – согласилась я, – это лучшая политика. А ты? Так сама на колбаску перейдешь!

– Ни за что! Я свой выбор никому не навязываю, но мяса есть не буду.

– Убийца помидоров, – свирепо прорычала я, и мы обе рассмеялись. Я всегда немного подсмеивалась над вегетарианством Риты, но, к ее чести, она никогда не морщилась при виде шашлыка и не закатывала глаза, когда мы ели ветчину, колбаски, копчушки и все такое. Я лично без мяса не могу. Просто с ума схожу. Настроение портится: я становлюсь

злой, угрюмой... всё и все вызывают у меня раздражение. А кусок мяса побольше, да не сильно испорченный готовкой, дарит мне не только сытость, но и благодущие.

– Ты еще про малышку расскажи. – Почему-то мне было интересно слушать Риткин лепет про ее новые будни. Как они играют, как Лена привыкала к новому жилью.

У Риты все было по-другому, чем у меня с мамой. Что-то проще, что-то тяжелее. Если Леночке что-то не нравилось, то было бесполезно ее уговаривать. Нет – и все тут.

– Смотрит исподлобья, – рассказывала Рита, – а чувствуешь себя при этом амебой примитивной и глупой. Зато, если что-то по нраву, скачет, радуется, обнимается. Никогда не целуется. Ее целовать можно, терпит, но может ускользнуть... Любит под столом сидеть. Или залезет на дерево и сидит там долго. Однажды больше часа просидела... – Рита немного беспокоилась – нормально ли это?

Я слушала все это и зачем-то запоминала... Я любила устраивать логово, как папа это называл. Натаскаю одеял, ковриков за диван или под стол, зароюсь и сижу там. Поэтому сказала бодро:

– Да нормально! Ты почитай, что там про детей пишут на форумах. Я тоже любила в норке сидеть. Да помнишь, мы вместе с тобой шалашики строили...

– Шалашики, это да... Не знаю, как тебе сказать, Ларис, в общем, она просто сидит. Не моргает – смотрит, как в засаде.

– Ну, в засаде, наверное, играет, будто она тигр.

– Наверное, – задумчиво протянула Рита.

Краем глаза я увидела, что дверь Лениной комнаты чуть приоткрылась и в щелке заблестел чей-то любопытный глаз. Я сделала вид, что ничего не заметила. Рита досыпала в вазочку печенье, потом закопошилась возле мойки... Мне показалось, что мимо меня мелькнуло что-то длинное, и одно печенье исчезло. Я решила, что устала, а девочка просто быстро пробежала туда и обратно. Ну и пусть. Подумаешь, стащила одно печенье?

Я ушла от них совсем поздно. Пришлось такси заказывать. Ехала и покачивала головой: ну надо же... ну, Ритка! Молодец, что и говорить! Самое странное, я ей не завидовала, не испытала тут же желание родить, найти, усыновить. Нет. Я просто считала, что Ритка – молодец, что Лене повезло. И еще меня безумно интересовала эта девочка. Почему, я не могла объяснить.

Я еще к ним приехала в гости. Потом мы вместе выбирались в кино и в кафе. Я учила Леночку рисовать. Вернее, пока просто приучала ее к карандашу, ластик, фломастерам. Леночка всегда сначала говорила, что не умеет, потом выяснялось, что она все схватывает мгновенно. Когда мы встретились через неделю после первого раза, она уже сама на-

рисовала с десятков кошачьих, собачьих, тигриных и прочих мордочек, отталкиваясь от круглой заготовки, которую я ей показала. Стала рисовать деревья. Еще через пару месяцев она рисовала так, будто с ней плотно занимались год.

Я осторожно, с разрешения Риты, стала пробовать на Лене некоторые свои идеи – все думаю когда-нибудь создать свою студию для детей. Лена неохотно рисовала дома, и у нее хуже получались человеческие лица, зато в целом движения, пластика тел – великолепно. Бегущий мальчик со спины вообще был как живой. Порой мне казалось, что во всех ее рисунках присутствовала тревожность, но Рита очень разумно мне пояснила, что у ребенка были какие-то психотравмы. Подруга уверяла меня, что я тоже рисовала в детстве все мрачное и страшное. Мы решили – со временем Леночка изживет в рисунках свои страхи. То же самое сказала психолог, к которой Рита возила дочку пару раз в месяц. Рита, глядя, как я не на шутку заинтересовалась Леночкой, шутя сказала, что у Лены не было ни одной мамы, зато теперь – сразу две.

Все было б хорошо, если бы не возрастающая гиперактивность Лены. Она иногда по несколько часов носилась вокруг нас, не уставая. Могла спать не более четырех часов в сутки. А могла устроить сонный марафон часов на пятнадцать. Это пугало Риту. Ей казалось, что она не справляется, особенно когда на площадке к ней подлетали разъяренные мамы других детей, предъявляя разбитых и поцарапанных жертв Лениной активности. Не то чтобы она дралась, но ее игры

были весьма динамичными. Она и нам предлагала: «Теть Ларис, давайте поиграем в хищ-щ-щных зверей!»

«Хищ-щ-щных!» – это означало, что она сядет под барную стойку и будет оттуда выпрыгивать, хватая меня и Риту за ноги. Еле-еле договорились не хватать никого с горячим чаем в руках.

Когда получалось, мы ходили в какие-нибудь кафе и брали с собой Лену. Девочка в целом вела себя хорошо, а если и расходилась, то ее можно было отвлечь веселой игрой или едой. Поесть она любила, хотя впрок это не шло – оставалась такой же худышкой, как и при первой нашей встрече.

Прошло лето, а осенью я стала реже общаться с Ритой – прибавилось заказов.

Однажды Рита мне позвонила вечером. Была уже зима, за окном было темно, неуютно. Голос у Риты дрожал.

– Ларисочка, ты... ты занята?

Я была занята. Я рисовала, я думала. Обычно отключаю телефон, чтобы никто не мешал, а тут почему-то забыла. Но у Риты был такой голос...

– Нет, Рита, нет, конечно... Что случилось?

– Ты могла бы приехать? Ларис, ты моя самая близкая... Я такси оплачу. Пожалуйста! Если у тебя никакой личной жизни сегодня нет, – она попыталась засмеяться, но смешок прозвучал жалобно. – Пожалуйста... – прошептала она.

– Сейчас приеду. Что случилось? Вы здоровы?

– Не уверена, – сказала она. Послышался какой-то ярост-

ный вопль. Рита ахнула и бросила трубку. Я схватила дубленку, сумку и побежала ловить машину.

Начался жуткий снегопад. Ветер сбивал с ног. Я еле нашла ненормального, согласного отвезти меня до Ритино дома. Добралась я уже очень поздно, в двенадцатом часу. Меня встретила Рита с опухшим поцарапанным лицом и заплаканными глазами. Судя по всему, произошло что-то действительно жуткое. Полквартиры было просто разгромлено: карниз оборван, обои содраны. Книги, игрушки, статуэтки валялись на полу. Меня сразу напряг какой-то знакомый неприятный запах. Запах... мочи. Слабый, но для меня ощутимый.

– Что случилось? Вас ограбили? Где Лена?

– Спит, – вяло сказала Рита. Одной рукой она пыталась взять у меня дубленку, из другой не выпускала тряпку. Я сама повесила одежду.

– Пошли. Что случилось?

Произошло что-то странное. Рита не замыкалась на роли примерной матери, и у нее была личная жизнь. И Леночка про это знала. Она холодно, но все-таки общалась с другом Риты, снисходительно принимала от него подарки, отпускала иногда Риту на свидания. В такие редкие дни я иногда брала девочку с собой – побродить по выставкам или к себе в студию, где мы рисовали. Или Рита приглашала няню, ко-

торая помогала ей с девочкой.

В этот раз Рита ходила со своим другом в ресторан. С Леной оставалась няня. Со слов няни, Лена отлично поужинала, они немного посмотрели мультики, поиграли в куклы, девочка помылась и рано легла спать. Рита отпустила няню, но вот друг никак не хотел отпускать Риту. Видимо, не торопился, против обыкновения, домой. Проводил ее до квартиры. Мол, у тебя давно не был, да интересно, как ты сделала ремонт, да кофеек из твоих ручек... Рита и не отказывалась.

– Ничего такого, – всхлипывала она, – мы просто пили кофе. Болтали...

– Ну, ладно, не буду ничего говорить. – Мне не нравился этот человек, и я считала, что Рита дура, а он пользуется этим. С одной стороны, он баловал ее, помогал разрешить все проблемы, с другой – Рита была его тайной, без права на признание, без общего дома, и у него была своя семья. Это меня и бесило.

– Ну, а потом что? Это он устроил?

– Не-ет... – она всхлипнула пару раз. – Лена.

– Лена?

– Она проснулась. Вышла в комнату. Мы не сразу ее увидели.

– Вы... целовались? – осторожно предположила я.

– Да нет же! Разговаривали... Ну, может, он руку мою держал... Но мы разговаривали... про все... как дальше... я не знаю, что она слышала... сколько она стояла. Стояла

в пижаме своей и смотрела не мигая... словно привидение.

– Я и не знала, что ты часто общаешься с привидениями, – попыталась я пошутить, но Рита всхлипнула громче и уткнулась в мое плечо.

– Она сказала: «Уходи». Я ей – «Леночка, так некрасиво, надо поздороваться». Она опять – «Уходи», знаешь, таким спокойным ровным голосом. Ну, а он ей тоже спокойно – «Леночка, я сейчас уйду, мы с мамой только кофе допьем», улыбнулся ей. Тогда она мне сказала, что хочет есть. Я достала ветчину, стала резать, делаю ей «чудовищный» бутерброд. Вдруг смотрю, у меня с мойки куда-то исчезла миска, в которой печень размораживалась, и слышу, он говорит: «Лена, ты что?!» Оборачиваюсь, а она поставила миску на стол, села напротив него, на мое место, и ест эту печень...

– Сырую?

– Ага, ест, ы-ы-х... вся перемазалась, кусает, улыбается и смотрит на него. Я печень отобрала, умыла Лену, дала ей бутерброд. Момент уже испорчен, он еще что-то бормочет, я этой паршивке говорю: «Все, иди спать». Ушла. Мы еще поговорили немного, но уже не так... Он все-таки понял, что надо уйти. Вышли в коридор, а там, Лариса! Там! – тут Рита взвизгнула.

– Что там?

– Она описала его обувь... и пальто... сбросила на пол, мы не видели. И когда успела?

– Ну, при желании она умеет быстро двигаться, – заметила

я. – Очень скандалил?

– Не то слово. Орал, сказал, что это моя дурацкая идея была... что я дебилку или психопатку взяла какую-то, неизвестно, кто ее родители, чтобы я ее отдала завтра же обратно.

– Ублюдок.

– Были еще эпизоды...

– Еще эпизоды?

Рита вздохнула. Снегопад стих, за окном было темно, впрочем, как и в квартире; лампа над столом не могла рассеять этот мрак. Я с молчаливого согласия Риты достала из бара коньяк и накапала ей в чай, а еще налила в маленькую рюмочку из коричневого стекла.

– А себе? – вяло спросила подруга.

– Хорошо. И себе. – Я повторила процедуру.

– Она иногда начинала разбрасывать вещи. Чуть-чуть. Иногда царапалась... После занятий это все стихало, но иногда повторялось.

– Как в это раз?

– Нет. В этот раз, не успела я его проводить, как Лена опять выскочила и стала все вокруг громить. Но так она еще никогда не делала. Она визжала, кусалась... я ее пыталась по хорошему, обнимала, она вырвалась и ударила меня по лицу... – Рита опять заплакала. – Я ей часто стригу ногти, утром только стригла, но они так быстро отрастают, все время отрастают! Наверное, я плохая, наверное, поэтому у меня и нет своих детей – я не справляюсь.... Я ударила ее,

Ларис! Я ее всего лишь пару раз до этого ее шлепнула, а тут ударила больно. Мне захотелось это сделать, мне так было больно, что я ответила ей в полную силу. А она же маленькая! Я не должна была так делать, не должна... Наверное, я что-то не так сделала. Может, она обиделась, что я его в дом пригласила. Но я не выдержала, эта моча, эти ее когти, этот ее визг — я сама чуть не завизжала, я кричала.

— Что ты ей сказала?

— Ужас что. Я ее назвала дрянью... Зачем я так сказала, Лариса? Я сама дрянь! Она же ранимая такая, ей и так нелегко в жизни...

— Рит, не мне судить, но знаешь, любой родитель может сорваться. Все ровно и гладко только в книгах бывает. Ты хорошая мать, ты все время стараешься. Я думаю, завтра надо будет позвонить твоему психологу. Но сначала ты попросишь у Лены прощения, а я ей скажу, чтобы она тоже попросила. Ты все не убирай, чуть-чуть оставь, чтобы мы вместе могли. Мне кажется, Лене будет полезно самой восстановить то, что она разрушила.

— Ты так думаешь? А может, лучше все убрать и сделать вид, будто ничего не было? Я на нее уже не сержусь...

— Не сердишься или пытаешься загнать свою злость внутрь? У тебя тут было очень славно, ты потратила много сил и денег, чтобы сделать этот дом милым, уютным и пригодным для обитания с маленькой девочкой. А она все испортила, опозорила тебя перед твоим любовником, изгадила

его вещи и ваш домик. Испугала тебя и оцарапала. Ты на нее не сердишься?

– Я...я... Но она же не специально!

– Не специально? Мне показалось, что все делалось специально. Она была недовольна и показала это. Она велела уходить неприятному для нее человеку, он не ушел, а ты не поддержала ее. Она наказала тебя. Этот хаос был устроен нарочно. Спе-ци-аль-но.

– Да, да, я согласна с тобой, но обижаться на нее не буду.

– Тогда она сядет тебе на шею, – фыркнула я. – Поверь мне. Любовь не означает, что надо дуть в задницу. Если бы я такое устроила, мама меня бы просто отшлепала, что она и сделала, когда я на чердак убежала в девять лет. А знаешь, как мне влетело, когда сломала твою куклу, помнишь?

– Нет, – Рита уже не плакала, но ей явно надо было лечь спать.

– А влетело здорово. Но я маму любить меньше не стала, хотя тогда и злилась. По-любому, я права. Уже поздно, ты устала, и убирать все это придется с утра.

– Да, – сказала подруга серым, тусклым голосом. Мы с ней разложили диван и легли спать. Я обняла Ритку и немного покачала ее, чтобы она уснула. Я, если честно, не могу спать на диванах и кроватях. У меня дома есть диванчики, но сплю я в гамаке. Ну, такая я чудачка, творческая натура, как говорит Ритка. С другой стороны – ну, не посплю одну ночку – ничего страшного. Когда на меня находит желание порабо-

тать, я могу не спать неделями. Я лежала и думала, что делать... Ничего не надумала. Меня отвлекало какое-то шевеление в Лениной комнате. Девочка явно не спала.

Потом она мгновенно как-то оказалась возле нас. Во тьме ее глаза блестели необычайно ярко. От слез, видимо.

– Здравствуй, – прошептала я. Она не ответила.

– Ты что тут натворила? – Она отвернулась и быстро ушмыгнула в свою комнату, закрыла за собой дверь. Но дело в том, что я тоже умею при желании двигаться очень быстро. Помню, учительница физкультуры все пыталась меня соблазнить карьерой бегуни. Не соблазнилась. Что я, леопард – быстро бегать? На пропитание себе можно заработать по-другому. Я уже стояла впереди Лены, вернее, присела на надувной мяч перед ее кроватью.

– Лена, – сказала я строго. Она зашипела. – Тебе не стыдно? Смотри, мама так и заснула – плача... Тебе не нравится этот тип? Мне тоже. Но мама Рита-то мне нравится. И даже если тебе кто-то очень не нравится, писать в его ботинки – это... – Я засмеялась, хотя, наверное, так делать было нельзя. Но я же не умею разговаривать с детьми. – Писают только кошки. А ругаются и ломают вещи только бандиты. Можно просто говорить с человеком особым голосом, можно... можно быть с ним вежливым, но не дружить с ним. Этого достаточно. – Лена мне ничего не ответила, просто упрямо опустила голову и покачивалась немного.

– А мама тебя ударила... ну, она не права тоже, но попро-

буй встать на ее место – она испугалась и разозлилась. Так-то она добрая и хорошая мама. У меня такая же мама. И ты такой же будешь и есть уже. Мы все можем немного злиться и вести себя неправильно, но лучше так не делать. Я, когда злюсь, рисую то, что меня бесит, и мне становится легче. Может, порисуем?

– Да! – вдруг выдохнула девочка и прижалась ко мне. Она действительно плакала. Ненавижу быть жилеткой. У меня своих проблем хватает.

– Только я есть хочу, – тихо сказала девочка.

– Ну, пойдем, – сказала я. Мы прокрались к холодильнику, и я покормила малышку, вытерла ей подбородок салфеткой. Лена перестала всхлипывать, глаза ее закрывались.

– Давай завтра порисуем? Ты уже спишь.

– А Рита разрешит?

– Разрешит, конечно. Ты же попросишь у нее прощения?

– Да... – Лена вздохнула. – Я не хотела. Я просто разозлилась.

– Знаю, – я погладила ее по голове. Бедный ребенок. Все так сложно, все очень сложно, а особенно для нее. Я сама через это прошла, тяжело адаптировалась к нормальной жизни.

Утро было солнечным и свежим. Я еще подумала: хорошо, что сегодня никаких встреч нет, надо уговорить девочек пойти погулять. Можно взять лыжи или пойти на каток, только надо их помирить.

Мы с Ритой знаем друг друга с детства, давно уже как сестры стали, хотя очень и очень непохожи. Я разрешаю ей готовить на моей кухне и спокойно ориентируюсь у нее. Решила приготовить омлет, а то печени совсем не осталось. Я ж ночью кормила малышку.

Омлет получился шикарным – с сыром, ветчиной, помидорами и зеленью. Пышный, сытный, вкусный. В одну половину я ветчину не положила, чтобы порадовать Риту.

Чай с лимоном, бутерброды с маслом и сыром, Ритке быстро салат настругала овощной – уф, можно и девочек будить. Лишь бы удалось все плохое оставить в прошедшем дне и помирить их. Не могу я талантливую ученицу терять. И видеть, как подруга страдает. У меня не так уж много друзей, принимающих меня такой, какая есть.

– Вставай, Ритуль, – я наклонилась над диванчиком и увидела, что Рита уже не спит. Она улыбнулась мне. Лицо ее еще оставалось опухшим от слез, но глаза понемногу оживали.

– Пойдем завтракать или обедать...

– А Леночка? Она, наверное, кушать хочет, что ж я засоня-то такая. – А Лена уже стояла возле нас, одетая в любимую юбочку, которую Рита ей купила после просьбы «хочу такую же, как у тебя!», волосы под ободок убраны – феечка, а не скандалистка.

– Леночка! – Рита подбежала к ней, присела на корточки. – Леночка, прости меня, я не хотела...

– И ты меня прости.

Я ненавижу всякие сопливости и, чтобы они не разнежались, скомандовала:

– Так, ну-ка все за стол!

Потом мы быстро убрали остатки вчерашних безобразий и пошли гулять.

Конфликт был исчерпан.

Через пару недель Рита позвонила опять. На этот раз Лена устроила представление в торговом центре. Звонила Рита уже из дома, за ее спиной слышались визг и животный вой озверевшей девчонки. Я опять поехала к ним, чертыхаясь и злясь на себя за податливость. Рита, когда принимала решение об удочерении, должна была знать, что ребенок вряд ли будет простым, что могут быть трудности, и должна была рассчитывать на себя, а не на друзей. Но все-таки я поехала.

Когда приехала – они уже сами пытались помириться. Я вошла, дверь была распахнута – заходи кто хочешь. Они сидели на ковре, обнимались и тихо так ревели.

– Ну, а теперь-то что? – проворчала я, садясь неподалеку.

Рита, поглаживая Лену по плечу, вытаращила глаза и попыталась ими что-то мне показать. Я ее не поняла и решила просто замолчать.

– Давай Ларису накормим? – спросила Рита.

– Давай. – Лена пошла ставить чайник.

Рита шепотом сказала:

– Там был дед Мороз на празднике для детей. Он подхо-

дил ко всем детям, ему рассказывали что-нибудь, он дарил всякие пустяки. Подошел к нам. Он просто взял ее за руку и немного так к себе подтащил. Знаешь, сколько кровищи было!

– Укусила? – переспросила я. Рита кивнула.

Я почувствовала на себе взгляд. Подняла голову и увидела, как мелькнули Ленины волосы, как будто она крутанула головой. Как же ловко она двигается! Ей бы на танцы походить или ритмичкой позаниматься. Можно подумать, что она умеет голову на сто восемьдесят градусов разворачивать, как птица.

– Рита, я понимаю, праздники и все такое, но ваш психолог в Москве? Лена или испугалась, или опять протестовала – но это не дело так протестовать. Мне тоже иногда хочется покусать заказчика или какого-нибудь критика, но я сдерживаюсь.

– Ни один психолог не поможет, – заныла Рита, – я все делаю неправильно, все!

– Готово, – громко сказала Лена, – идите чай пить.

Чай пили молча. Мрачно мигала елка, Лена не поднимала глаз, Рита смотрела, как сломанная кукла круглыми глазами, прямо перед собой. Расшевелить их мне не удалось. Лена даже порисовать не согласилась. Н-да, не удались праздники.

– Ты постоишь со мной? – устало спросила подруга. Я не поняла сначала, а потом до меня дошло.

– Ты куришь?

– Да так... – последний раз Рита курила еще в институте, бросила сознательно и даже в самые тоскливые дни не вспоминала об этой привычке. Я не люблю, когда дымят, но вышла постоять с ней на лестничную площадку.

– Ларис, я плохая мать?

– Что ты говоришь? Просто у вас кризис. Психолог поможет, вы справитесь. Ты думаешь, у меня с мамой все было идеально? У-у, а тогда психологов не было. И дралась я пару раз, и сбежала однажды. Правда, недалеко, на чердак. – Я улыбнулась. – Ничего, выжили... Я стала человеком и живу неплохо. И мама у меня чудесная. Думаю, немало ей седых волос добавила, но мы любим друг друга. Папу я люблю... И он меня. А ведь я ему однажды испортила важные документы.

Рита недоверчиво посмотрела на меня. Дым вокруг нее вился, смазывая черты лица... Я подумала, что это было бы красиво – нарисовать ее так, в дыму, с блестящими, испуганными глазами.

– Может быть... может быть... но твои родители были сильные люди, а я слабая, слабая... Она мне иногда кажется чудовищем, маленьким чудовищем, которое появилось в моей жизни, чтобы мучить меня. Ужасно так думать. Я не справляюсь!

– Ты справишься.

– Нет. Она не испугалась, нет. Просто мы должны на днях уехать в санаторий. Новый год там встретить.

– Вдвоем?

– Втроем. Он своих отправил в Египет... А Лена мне уже сказала пару раз, что не поедет с ним. – Мы слышали какой-то шорох, я приоткрыла дверь, но там никого не было... Я посмотрела наверх. По потолку метнулась тень. Когда в квартире приглушен свет, а гирлянда меняет режим горения – всякое может померещиться. Я вернулась на лестничную площадку.

– Послушай, Рита, у меня возникла отличная идея!

– Да?

– Лена мне доверяет. Она ведь никогда со мной не устраивала ничего подобного. Мы устраиваем каникулы. Я давно хотела нарисовать маслом ее большой портрет, а не эти наброски. Лена поживет у меня пару недель, а ты... а ты поедешь отдыхать. Хотя я и против того, чтобы ты продолжала с ним общаться. Но вдруг тебе это поможет.

– Поможет?

– Да, Лена отдохнет, ты отдохнешь. Я порисую. А ты наконец решишь – нужен ли тебе человек, который называл твоего ребенка идиоткой, тебя дурой и всю твою жизнь превратил в какую-то дымку, когда ты живешь от праздника до праздника, от одних украденных выходных до других.

Рита закашляла.

Мы так и сделали. Рита через пару дней уехала в санаторий. Мы с Леной поехали ко мне. Она никогда не была в моей квартире.

– Зачем это? – спросила она, глядя в угол моей спальни, где стоял ствол дерева с полусодранной корой. Я долго объясняла дизайнеру, что хочу. Меня не понимали. Потом плюнула, сама нашла в лесу подходящее дерево, и простой пьющий, но талантливый мастер сделал мне то, что я хотела. От дерева возле потолка отходила толстенная ветвь, на ней висел мой гамак. Все. Для надежности и ствол и ветвь были укреплены красивыми металлическими скобками.

– Это мое дерево. Для красоты и для удобства, – сказала я.

– Ух ты! А где ты спишь?

– И сплю здесь...

– А я где буду?

– М-м, хочешь – на диванчике, а хочешь, я тебе такой же гамак повешу, у меня есть еще один. Он поменьше...

– Хочу. – Лена улыбнулась.

После ужина я помогла ей залезть в гамак. Залезла в свой.

– Здорово?

– Ага... – и тут же жалобно добавила: – А я опять есть хочу...

– Это нормально, ты же растешь... Все дети хотят есть. Ты хочешь мяса – или обойдешься печеньем?

– Печеньем.

– Ну, возьми, пачка возле телевизора...

– Я не вылезу – я утонула, – прошептала девочка и захихикала. Эти гамаки такие, с непривычки из них сразу не выбраться, тем более – наши висели под самым потолком. Мне было лень вылезать, и я проворчала:

– Ну, достань как-нибудь. Чтобы дотянуться до нужного – не обязательно вылезать. Можно протянуть что-нибудь... длинное.

– Что длинное? – спросила Лена.

– Твой длинный болтливый язык, – сказала я.

– Язык? – удивилась девочка. – Я языком не могу.

– Можешь. И не притворяйся, что нет. – Я услышала вздох, а когда приподняла голову, то увидела, как Ритина дочка выстрелила своим длинным розовым языком в пятнышках шоколадного цвета в сторону коробки с печеньем. У меня хорошая квартира, и комнаты в ней просторные. Я в Ленином возрасте не могла утащить что-либо дальше трех метров. Так я и знала, так я и думала. Девочка намного способнее меня.

Она захрустела печеньем.

– Когти можешь точить о кору. Только, умоляю, не с утра. В аквариуме мышки... на завтрак, если проснешься раньше...

– Ура! – раздался ультразвуковой вопль.

– Тихо! У меня был трудный день, и я хочу спать. – Я уже почти заснула, как вдруг услышала тихий шепот:

– Ларисочка!

– Что еще?

– Мне очень нравится мой гамак, но можно я сегодня у тебя посплю, под бочком?

– Ну-у...

– Ну пожалуйста!

– Ладно.

Я помогла Лене перебраться в мой гамак. Свернулась вокруг нее.

– Ларис...

– Что еще?

– Ларис, а можно я у тебя на все время останусь?

– А как же Рита?

Лена засопела.

– А к Рите я буду ходить в гости...

– Посмотрим, спи, – сказала я и вздохнула.

– Ларис!

– Что?

– А можно... можно я тебя мамой буду звать?

– М-м, посмотрим... – Я попыталась уснуть.

Леночка осталось у меня. У нас с ней похожие привычки. И судьбы почти похожие: неизвестно, кто ее родители, неизвестно, кто мои, нас обеих с разницей в тридцать лет подкинули в одно и то же отделение милиции. Это я выяснила,

осторожно расспрашивая Риту.

Прошло время. Лена больше не устраивает истерик, никого не кусает и вообще ведет себя, как примерная девочка. В прошлом году ее работа «Портрет Риты» заняла первое место на школьном конкурсе, а портрет под названием «Мама», где я нарисована с хвостом и крыльями, но хотя бы с человеческим лицом, поехал на городской конкурс. К Рите Лена с удовольствием ходит в гости. Скоро у Риты должен родиться малыш, а Лена пристаёт ко мне, что тоже хочет братика или сестричку. Моя мама тоже хочет, чтобы я родила все-таки своего ребенка, раз уж решилась на удочерение. Но... Я уже сказала, у нас почти похожая судьба. Моя мама так и не узнала, как я однажды сбежала из закрытой квартиры с одиннадцатого этажа и просочилась на закрытый чердак. Я до сих пор не решаюсь рассказать маме, как это здорово – летать. И как я вылетаю из окна, только не вниз, а вверх. И до сих пор не могу объяснить маме, что для того, чтобы родить своего ребенка, надо встретить подходящего мужчину. А где в нынешние времена найдешь такого, чтобы летал, имел десятисантиметровые втяжные когти, двойной позвоночник и желудок, способный переварить сырое мясо? Мужчину, которому бы понравилась женщина, вынужденная прятать чешую и шерсть под тоненькой кожей? А учитывая, что современные мужчины такие изнеженные... Ну найду я такого, а вдруг он не согласится на романтическое общение с самостоятельной современной женщиной? Тем бо-

лее, не все мужчины любят встречаться с женщинами, у которых есть дети. А я свою доченьку ни на кого не променяю. Лене будет немного легче, ведь мне не надо объяснять ее необычность и умения. Я ее еще и другому научу. Например, по снам ходить. А пока мы рисуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.